

Верёвка

Было в радость для верёвки той
Веники вязать для русской бани,
Лазать по колодцам за водой,
Волочить нагруженные сани.

С той верёвки плакало бельё,
Застывая в ранние морозы,
И окружность с помощью её
На лугу не раз чертили козы.

Довелось верёвке бельевой
Выполнять и чёрную работу:
Как-то раз, рискуя головой,
Намотал её на шею кто-то.

Как же люди подвести могли! –
От стыда верёвка проскрипела,
Что пришлось ей в качестве петли
Чью-то душу выжимать из тела.

Глаза

Мужик с азартными глазами
Колол под сердце раза три,
Но вот попал... и боров замер,
И что-то екнуло внутри.

Обмяк он, рухнул у забора,
Кропя и плавя белый снег,
Еще теплел сраженный боров,
Уже наелся человек...

Бесплодно вызывая жалость
У тех, жующих за окном,
Башка кровавая лежала
В сугробе кверху пятаком.

Глаза немного приоткрыты,
Глаза, счастливей многих глаз,
Всю жизнь смотревшие в корыто,
Смотрели в небо первый раз!..

Семёнов

Зазывая к себе перезвонами
Этот город пяти площадей,
Вдохновляет резными узорами
И прохладой зелёных кудрей.

Снисходительно старое к новому,
Ищет новое в старом ответ...
Неустанно во славу Семёнова
Здесь творят и ложкарь, и поэт.

Пахнет липой и квасом на солоде,
Я по улицам светлым пройдусь...
Отражается в маленьком городе
Вся святая великая Русь!

Так давай же согреемся, милая,
После долгой разлуки-зимы
Жарким словом Бориса Корнилова
И огнём золотой хохломы.

* * *

Владимиру Жильцову

От звона лишних словоблудий
На мне усталости печать.
Давай, Иваныч, просто будем
Про жизнь нелёгкую молчать.

Ты обожжён законом волчьим,
Моя судьба – закон читать,
Как хорошо с тобою молча
Всё вспоминая, забывать.

Забывать о прошлом, не иначе
Забывать о будущем, когда

Мы друг о друге вдруг заплачем,
Прощаясь, может, навсегда...

И чтобы врозь от словоблудий
Не впасть в агонию тоски,
Давай с тобою вместе будем
Молчать по-русски, по-мужски!

* * *

Когда меня не станет на земле,
Не значит, что меня не будетazole:
Я буду здесь, ещё добрей и злей,
Ещё свежее, как мадера в розлив.

Ты поднесёшь меня к своим губам
И, захмелевши, склонишься к другому.
А я промчусь, всё позволяя вам,
Лишь сквозняком по запертому дому.

Когда же вспыхнет сладострастный миг,
Которому, увы, не я виною,
Ты ощутишь, что я в тебя проник,
И я пойму, что ты сейчас со мною.

Не ревновать! – какой он там: седой,
Иль молодец безусый – чуть за двадцать.
Я просто стану утренней водой,
Которую ты будешь омываться.

Ко мне придёшь, и стану я лучом,
Что на погосте тенью крест обрубит.
«Меня любил он», – скажешь ты, причём
Себе добавишь, улыбнувшись: «Любит».

* * *

Поэты должны быть такими,
Какими б вы быть не смогли:
Голодными вечно и злыми,
По сути же – солью Земли.

Должны быть блаженны поэты
В миру и на тропах войны.
А если серьёзно, вообще-то –
Они ничего не должны!

Дверь

Неслись прохожие, пиная
Входную дверь туда-сюда,
И лишь прохожая иная
Не причинила ей вреда.

Она её поцеловала,
Другим входящим вопреки,
И след неровного овала
Сползал помадой по двери.

Изрядно настрадавшись за день,
Той двери было невдомёк:
Иную саданули сзади
И отобрали кошелёк...

Свежесть

Куда девалась Ваша свежесть,
Улыбка и манящий взгляд?
Печально, что в углу медвежьем
О Вас теперь не говорят.

А были первая из первых,
Неотразимы и легки,
Кухаркам вытянули нервы
И заточили языки...

Ушли Вы в каменные джунгли
И, в миллионах растворясь,
В быту гербарием пожухли.
И лишь стихи звучат для Вас.

Стихи ласкают, рвут на части,
Они и розы, и ножи...
Их автор бесконечно счастлив,
Что в них останетесь свежи...